ВОЙНА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ 1939 ГОДА И СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ПАКТ О НЕНАПАДЕНИИ

А. П. Суходолов¹, Т. Дорж², Ю. В. Кузьмин¹, М. П. Рачков¹

¹ *Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*

² *Академия наук Монголии, Улан-Батор, Монголия*

Информация о статье

Дата поступления

7 сентября 2018 г.

Дата принятия к печати

9 ноября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

27 декабря 2018 г.

Ключевые слова

Война на Халхин-Голе;
Монголия; советско-германский
пакт 1939 г.; внешняя политика
СССР; Япония; международные
отношения в Европе; разгром
японской армии; российская
историография; мировая
история

Аннотация

В статье впервые в российской историографии обращено внимание на связь войны на Халхин-Голе 1939 г. и заключения советско-германского пакта о ненападении. Длительное время в науке эти два важнейших события в истории СССР и мировой истории рассматривались каждое в отдельности, вне их исторической взаимосвязи. Авторы предприняли попытку обосновать эту взаимосвязь, показав роль во всемирной истории окружения и разгрома японской армии на Халхин-Голе в августе 1939 г. и подписания в Москве советско-германского пакта о ненападении. В исследовании проанализирована внешняя политика СССР в Европе, причины неудачи в заключении англо-франко-советского военного союза в 1939 г. и обстоятельства заключения пакта. Показана взаимосвязь поражения японских войск на Халхин-Голе и необходимости подписания советско-германского договора. Отмечены исторические последствия заключения пакта для дальнейшего развития японо-германских отношений и хода Второй мировой войны. Также представлена характеристика оценок данных исторических событий в российской историографии.

Финансирование

Грант Российского фонда
фундаментальных исследований
18-514-94002 МОКН_а
«Национальные интересы России
и Монголии в треугольнике
отношений Россия —
Монголия — Китай: проблемы,
противоречия, сценарии»

THE WAR OF KHALKHIN GOL IN 1939 AND THE GERMAN-SOVIET NONAGGRESSION PACT

Alexander P. Sukodolov¹, Tuvd Dorj², Yuriy V. Kuzmin¹, Mikhail P. Rachkov¹

¹ *Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation*

² *Akademy of Science of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia*

Article info

Received

September 7, 2018

Accepted

November 9, 2018

Available online

December 27, 2018

Abstract

For the first time in Russian historiography, the article draws attention to the connection of the War of Khalkhin Gol in 1939 and the conclusion of the German-Soviet Nonaggression Pact of 1939. For a long time, historical science considered these two major events in the history of the USSR and history of the world individually, without their historic relationship. The authors made an attempt to provide evidence of this relationship, showing the role that surrounding and defeating

Keywords

War of Khalkhin Gol; Mongolia; the German-Soviet Nonaggression Pact of 1939; foreign policy of the USSR; Japan; international relations in Europe; the defeat of the Japanese army; Russian historiography; history of the world

Acknowledgements

Supported by the Russian Foundation for Basic Research (Grant №18-514-94002 MOKH_a «National Interests of Russia and Mongolia in the triangle of Russia — Mongolia — China relations: Problems, Contradictions, Scenarios»)

Война на Халхин-Голе 1939 г. является предметом пристального внимания и изучения в России, Монголии, Японии и ряде других стран мира. Особый интерес к этому важному событию со стороны представителей исторической науки и общественной мысли появляется в юбилейные годы. В эти периоды в различных городах (Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Иркутске, Чите, Улан-Баторе и др.) проводятся международные конференции, издаются монографии и статьи, осуществляется военно-поисковая работа в районах боевых действий на территории Монголии [1–5].

Весомый вклад в исследование темы вносят такие современные российские ученые, как Б. В. Базаров, Т. С. Бушуева, М. И. Гольман, Е. А. Горбунов, Н. В. Гордеев, В. В. Грайворонский, В. Г. Дацышен, В. В. Дятлов, Ж. Б. Жалсапова, В. П. Зимонин, Е. Л. Катасонова, С. В. Карасев, А. А. Кошкин, А. А. Кириченко, В. И. Кондратьев, Л. В. Курас, С. И. Кузнецов, Ю. В. Кузьмин, Е. И. Лиштованный, С. Г. Лузянин, В. С. Мильбах, И. В. Сеченов, А. В. Соловьев, А. П. Суходолов, а также монгольские ученые Ц. Батбаяр, Р. Болд, Ч. Дашдаваа, Т. Дорж, Н. Хишигт, Г. Ариунболд и др.

Изучение войны или, по другим оценкам, военного конфликта на Халхин-Голе позволило выявить значительное число оригинальных исторических документов и ввести их в научный оборот, предложить научному сообществу новые концептуальные обоснования военных событий в региональной и мировой истории, а также новые темы для научных исследований: история военного плена, репрессии в советских и монгольских воинских подразделениях накануне войны, дипломатиче-

ская история (монголо-японские переговоры) и др. Происходит уточнение военных потерь с обеих сторон, идет некоторое сближение позиций российских и японских историков, хотя по принципиальным вопросам истории войны сохраняются прямо противоположные оценки и характеристики [2; 5; 6].

По нашему мнению, роль войны на Халхин-Голе 1939 г. в отечественной истории и в истории международных отношений необходимо подвергнуть дальнейшему углубленному исследованию с привлечением новых исторических источников и методологических подходов. Место этого военного конфликта в мировой истории до сих пор не соответствует его реальному значению и нуждается в уточнении.

Как известно, историческим событиям, которые происходили на Востоке, до сих пор отводится менее значимая роль в истории по сравнению с теми, что происходили в Европе. В историографии доминирует европоцентристский подход к мировой истории, в том числе и к истории мировой дипломатии. Даже хорошо известные исторические события, имевшие место на Западе и на Востоке, не всегда связываются в единую канву.

Война в Монголии на реке Халхин-Гол (май — сентябрь 1939 г.) и заключение 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении в ряде исследований лишь кратко упоминаются в историческом контексте, без подробного анализа и обоснования. Можно отметить только более развернутую характеристику названных фактов, данную доктором исторических наук, московским японистом Е. Л. Катасоновой [7], и предисловие к документам военной разведки 1939–1941 гг. В. А. Гаврилова, где связываются события на

Западе и на Востоке [8]. Японист В. Э. Молодяков в монографии «Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио» вводит в научный оборот уникальные документы и подробно показывает взаимосвязь событий в дипломатической истории Японии и Германии и предлагает собственную трактовку международных отношений накануне Второй мировой войны [9]. Профессора Байкальского государственного университета А. П. Суходолов, М. П. Рачков и Ю. В. Кузьмин в 2014 г. также предприняли попытку обосновать непосредственную связь войны на Халхин-Голе и подписания в 1939 г. пакта о ненападении между СССР и Германией [1].

Данное обстоятельство можно объяснить узкой специализацией современных историков, которые занимаются только европейской или восточной историей, только историей Германии или историей Японии, историей внешней политики в странах Европы или историей внешней политики в государствах Восточной Азии. Сказывается также недостаток исторических источников, которые до сих пор недоступны современному исследователю, особенно по проблемам дипломатической истории советского периода накануне Второй мировой войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Итак, 20 августа 1939 г. началось решающее наступление советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол, которое 23 августа привело к окружению и началу разгрома японских войск, что стало важнейшим событием военных действий, своеобразной кульминацией этой войны. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении, который серьезно изменил расстановку международных сил в Европе и систему международных отношений в целом. Можно ли считать эти события случайным явлением в истории, простым совпадением исторических фактов? Конечно, нет.

Весной — летом 1939 г. Советский Союз оказался в сложной международной ситуации. В Европе в это время резко менялась обстановка, шли напряженные переговоры (открытые и тайные) о создании военных союзов и подготовке договоров о ненападении. СССР вел переговоры с основными политическими игроками — ведущими странами Европы (Великобританией, Францией и Германией). Перед Советским Союзом и его политическим руководством стояла сложная задача: защита национальных интересов страны и сохранение мира, создание системы коллективной безопасности в Европе. Нашему государству необходимо

было сохранить мир, чтобы использовать мирную передышку для укрепления вооруженных сил, модернизации военной техники, создания мощных оборонительных рубежей с целью противостояния двум явным агрессорам — Германии и Японии. Правительство страны должно было решить сложнейшую геополитическую задачу — выбор союзников и партнеров в готовящейся мировой войне. Одновременно СССР вел переговоры с Англией и Францией о создании военного англо-франко-советского союза и с Германией, заинтересованной в стабильных политических и экономических отношениях с нашей страной. Таким образом, в Европе шла утонченная дипломатическая игра, у каждого участника которой были собственные интересы, а переговорный процесс осложнялся тем, что никто никому не доверял.

В это же время в Монголии на монголо-маньчжурской границе 11 мая 1939 г. произошел на первый взгляд локальный пограничный инцидент, который быстро стал перерастать в серьезный военный конфликт. Это был международный конфликт, в котором с одной стороны участвовали Япония и марионеточное государство Маньчжоу-Го, а с другой стороны — Монголия и СССР. Он не носил случайного характера и имел тенденцию к эскалации. В этих непростых условиях Советскому Союзу одновременно приходилось решать две основные задачи — военную и дипломатическую, которые так или иначе были связаны между собой.

К великому сожалению, попытки СССР совместно с Англией, Францией и США создать накануне Второй мировой войны международную коалицию не удалось, иначе ход мировой истории мог быть совершенно другим. Незаинтересованность западных стран в совместном военном союзе, выжидательная политика Англии и Франции, поощрение Германии в ее агрессивных намерениях, выражавшихся в захвате территорий в восточном направлении, а также недооценка военного потенциала СССР и недоверие возможному союзнику привели к негативному для всех сторон результату.

В 1938–1939 гг. западные страны по отношению к фашистской Германии проводили политику умиротворения агрессора, которая привела к аншлюсу Австрии 12–13 марта 1938 г., «мюнхенскому сговору», разделу Чехословакии и невозможности для СССР защитить эту страну от трагедии. В марте 1939 г. Чехословакия была полностью оккупирована, а на территории Словакии создано подкон-

трольное Германии государство. 22 марта Гитлер навязал Литве договор о передаче Германии Клайпеды (Мемеля).

30 сентября 1938 г. Чемберленом и Гитлером была подписана англо-германская декларация о дружбе и ненападении, а 6 декабря 1938 г. в Париже была подписана франко-германская декларация, согласно которой оба государства обязывались развивать добрососедские и мирные отношения, отказывались от территориальных споров. Французская сторона надеялась, что теперь активность Германии будет направлена на восток, против большевиков.

В результате всех этих действий международное положение СССР в 1939 г. серьезно осложнилось — страна оказалась между «нацистским молотом и японской наковальней».

В апреле 1939 г. состоялись первые дипломатические контакты между Англией, Францией и СССР, инициированные нашей страной, с целью заключения военного соглашения. Однако западные страны преследовали не только данную цель, они хотели предотвратить советско-немецкое сближение, не исключая при этом возможности самим подписать с Германией соглашение о разделе сфер влияния.

В мае 1939 г. Германия убедилась, что Япония не пойдет на совместный договор, направленный против западных стран, прежде всего Великобритании, поэтому начались заявления об уступках СССР. В 1938 г. было подписано англо-японское соглашение о морских таможнях, а в мае 1939 г. — соглашение Ариты — Крейги, которое признавало свободу действий Японии в Китае, а Япония не ограничивала британские интересы на его территории. Япония была заинтересована в подписании совместного договора, направленного только против СССР, поэтому соглашение Ариты — Крейги способствовало сближению Германии с нашей страной.

Значительное внимание советской военной разведки было сосредоточено на анализе данных о подготовке военно-политического союза Японии и Германии [10, с. 40]. По мнению советского разведчика Р. Зорге, получение в 1939 г. сведений о японо-германских переговорах с целью заключения военного союза и колебаниях в этой связи кабинета Хиракумы было одной из удач его группы. Еще летом 1938 г. японский военный атташе в Берлине Осима сообщил Риббентропу, что возможно заключение оборонительного союза между Германией, Италией и Японией. 14 апреля 1939 г. Р. Зорге информировал Москву о том, что

«после долгого обсуждения Япония решила принять военный пакт, направленный только против СССР. Некоторые группы военных настаивали на пакте, направленном также против демократических сил, но остались в меньшинстве. Германия и Италия настаивали на военном пакте против Англии, но японские морские круги, близко стоящие к трону, решительно выступили против» [8, с. 153]. Правительства Германии и Италии добивались заключения тройственного соглашения, направленного не только против СССР, но и против Англии, Франции, США. 22 мая 1939 г. Германия и Италия подписали двухсторонний германо-итальянский пакт о военном союзе («Стаальной пакт»).

В этих сложных международных условиях Англия решила начать переговоры с СССР, и 27 мая 1939 г. Москва получила новые англо-французские предложения. С 15 июня по 2 августа 1939 г. было проведено 12 заседаний в рамках англо-франко-советских переговоров по вопросу выработки совместных действий против агрессии [8, с. 12]. Эти переговоры не дали никаких результатов. По данным советских дипломатов в Европе, «Чемберлен поставил и свою репутацию, и судьбу своего кабинета на одну карту — карту сделки с агрессором» [11, с. 42]. Одновременно Англия вела секретные переговоры с Германией. 18–21 июля 1939 г. в Лондоне встречались министр внешней торговли Великобритании Р. Хадсон и представитель Германии Х. Вольфат [8, с. 12]. Сказывалось взаимное недоверие друг другу, также Англия и Франция стремились использовать переговоры с Советским Союзом как способ давления на Берлин. Франция проводила внешнюю политику невмешательства, ориентируясь на политику и поддержку Великобритании. Из письма заместителя наркома иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции от 4 апреля 1938 г.: «Несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не изменяет своей позиции нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для всеобщего мира и прямую опасность для Франции. Ни захват Австрии Германией, ни критическое положение Чехословакии, ни польский ультиматум Литве, ни появление новых германских и итальянских войск на самой испано-французской границе, ни, наконец, вызывающие заявления Муссолини, грозящего Европе великой войной, не

заставили французов встрепетаться, одуматься и что-либо предпринять, хотя бы для самозащиты. По-прежнему, словно некое заклинание, твердят они свою формулу «невмешательства». Как и раньше, не отрывая глаз от Англии, в которой видят единственную надежную защиту» [11, с. 80].

24 июля 1939 г. было опубликовано англо-японское соглашение Ариты — Крейги, которое вошло в историю как «дальневосточный Мюнхен». «В условиях советско-японского конфликта в районе р. Халхин-Гол это соглашение укрепляло позиции Японии» [8, с. 13].

Все сказанное демонстрировало двуличие западных партнеров по переговорам и их истинные цели и намерения. В этой ситуации у СССР не было особого выбора, как не было и никаких упущенных, по мнению некоторых российских авторов, шансов. «Советскому руководству было также известно о намерении Токио перевести конфликт на р. Халхин-Гол в полномасштабную войну» [там же, с. 14]. По агентурному сообщению «Рамзая» из Токио от 27 июня 1939 г., «в случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР» [там же, с. 108]. Еще раз подчеркнем, что полный учет японского фактора в переговорах на Западе позволяет обосновать логичность и закономерность российского выбора в августе 1939 г.

12 августа 1939 г. в Москве начались долгожданные переговоры между военными делегациями стран, продолжавшиеся десять дней. Французская делегация, возглавляемая членом военного совета Франции генералом Ж. Думенком, и британская делегация во главе с адмиралом Р. Драксом имели полномочия только на ведение переговоров без права подписи документов. Во главе советской делегации находились глава правительства и нарком иностранных дел В. М. Молотов и нарком обороны К. Е. Ворошилов. Переговоры намеренно затягивались. Документы подтверждают, что западные страны хотели заручиться помощью СССР, но не желали брать взаимные обязательства помощи нашей стране. Британский лидер Чемберлен вообще не был готов подписать военный союз с СССР и в случае принятия подобного решения планировал уйти в отставку.

В августе переговоры между странами о заключении союзов вступили в критическую фазу. Германия готовилась к войне с Польшей (в начале апреля генеральный штаб Германии завершил разработку плана военных действий) и нуждалась в гарантиях того, что другие страны не вмешаются в нее. Затягивание переговоров наряду с их крайней неэффективностью

давало Германии большой шанс, что Великобритания не будет защищать Польшу.

3 августа Англия вновь предложила Германии заключить договор о ненападении и начать переговоры по экономическим вопросам. Германия планировала одновременные возможные переговоры с Англией и Советским Союзом. При этом советская разведка информировала политическое руководство СССР о сроках начала войны с Польшей. Таким образом, СССР оказался перед сложным стратегическим выбором.

Согласие на переговоры с Германией советское руководство дало 3 августа 1939 г., подтвердило его 11–12 августа, а окончательное решение было принято 19–21 августа. Представляется, что важные решения по данной проблеме принимались политическим и военным руководством СССР в середине августа. В ходе подготовки переговоров и обсуждения важных вопросов поднимался и японский вопрос. Германия обещала СССР повлиять на Японию в разрешении военного конфликта на реке Халхин-Гол, где в это время шли напряженные кровопролитные бои.

21 августа в Москве состоялось последнее заседание в рамках англо-франко-советских переговоров, в ходе которого стало ясно, что они зашли в тупик. 15 августа Германия через посла в СССР Шуленберга передала Москве свои предложения и просила решить вопрос о приезде министра иностранных дел Германии И. Риббентропа. Молотов предложил заключить полноценный договор вместо совместной декларации о неприменении силы друг против друга. Гитлер направил Сталину телеграмму с пожеланием как можно скорее принять своего министра иностранных дел. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении, который имел важные долгосрочные последствия для нашей страны, а также для мировых международных отношений.

Сталин и Гитлер понимали временный и компромиссный характер заключенного пакта. Германия получила свободу действий в Польше и Западной Европе, возможность последовательно устранять своих военных противников, СССР — временную передышку, устранение угрозы одновременной войны на Западе и Востоке. Ф. Чуев в книге «140 бесед с Молотовым» отразил общую оценку пакта советским наркомом Молотовым: «Сталин был крупнейшим тактиком. Гитлер ведь подписал с ним договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония по-

сле этого сильно обиделась на Германию, и из их союза толком ничего не получилось» [12, с. 29].

Советское руководство осознавало временный характер пакта и не доверяло обещаниям немецкой стороны. По оценке С. Г. Кара-Мурзы, «когда деятели типа А. Н. Яковлева заявляют, что Сталин, заключая пакт с Германией, якобы «поверил Гитлеру», то это явная чушь. В стратегических документах военного планирования заключение пакта никакого отражения не нашло. В основе военной доктрины СССР с 1935 г. лежала возможность войны с Германией. В 1940 г. был принят документ «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке» 1940–1941 гг. В нем говорилось: Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на востоке против Японии» [13, с. 471].

Историк М. И. Мельтюхов в работе «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941» приводит оценки Гитлера и Сталина. Так, 23 августа 1939 г. сразу после получения информации о заключении пакта в узком кругу Гитлер обрадованно заявил: «Теперь весь мир у меня в кармане». И. В. Сталин также в ближайшем окружении отметил: «Кажется, нам удалось провести их» [14, с. 81].

Министр пропаганды И. Геббельс записал в дневнике 24 августа: «Японцы опоздали на автобус. Сколько раз фюрер убеждал их присоединиться к военному союзу, даже заявив им, что иначе будет вынужден объединить силы с Москвой... Теперь Япония полностью изолирована» [15, с. 240].

Первоначально вопрос о германском воздействии на Японию предполагалось ввести в протокол переговоров, а Риббентроп предлагал свое посредничество в улучшении отношений СССР с Японией, но ввиду успешного советского наступления на Халхин-Голе 23 августа 1939 г. (по выражению И. В. Сталина на переговорах, «красноармейцы переколошматили не менее 20 тысяч японцев») этого не потребовалось, как результат, заинтересованность в немецком посредничестве отпала. История сохранила еще одну оценку состояния отношений с Японией, данную И. В. Сталиным во время советско-германских переговоров: «Если Япония хочет войны, она ее может получить. Советский Союз не боится и готов к конфронтации. Если же Япония желает мира, то тем лучше» [16].

Это еще раз подчеркивает взаимосвязь двух важнейших исторических событий.

Нарком В. М. Молотов в воспоминаниях образно оценивал прямую связь рассматриваемых событий: «Мы с Жуковым практически в одно и то же время выполнили одну и ту же задачу, отодвигая войну. Я подписал Пакт о ненападении с Германией, а Жуков на Дальнем Востоке дал отпор японским самураям» [12, с. 234]. Это не было простым совпадением по времени, Победа на Халхин-Голе и подписание пакта с Германией выступали как тесно взаимосвязанные исторические события.

В российской историографии существуют различные оценки советско-германского пакта о ненападении 1939 г., которые, к сожалению, почти не учитывают роль и влияние войны на Халхин-Голе 1939 г. [14; 17].

Назовем исторические последствия заключения советско-германского пакта о ненападении:

1. Япония испытала двойной шок от военного поражения в Монголии на реке Халхин-Гол и заключения в 1939 г. пакта между СССР и Германией. Оба события оказались для нее неожиданными. Советские войска имитировали подготовку оборонительных боев и 20 августа внезапно начали решительное наступление, которое привело к окружению японских войск. С другой стороны, Германия и Япония вели переговоры о заключении военного договора. Их связывал «Антикоминтерновский пакт» 1936 г. и тесное сотрудничество. Но стороны не могли прийти к соглашению по целому ряду положений. Победа на Халхин-Голе и советско-германский пакт, эти два ключевых для СССР события, оказали на Японию подавляющее воздействие, что имело серьезные исторические последствия.

Это была расчетливая внешняя политика нашей страны, учитывающая национальные интересы СССР в контексте международных динамичных военно-политических отношений на Западе и Востоке.

Элементы случайности и совпадений в этих двух важнейших исторических событиях имеются, но они отражают глубинные закономерности советской внешней политики того периода. Подготовка военного наступления и окружения, как и переговоры и подписание международного договора, требуют значительных усилий и определенного времени. Взаимосвязь этих двух ключевых событий случайна лишь для внешних и непосвященных наблюдателей. На самом деле это звенья одной цепи, подтверждающие расчетливость и прагматичность внеш-

ней политики СССР в условиях обострения межимпериалистических противоречий накануне Второй мировой войны.

2. Советско-германский пакт 1939 г. вывел нашу страну из международной изоляции, в которой она оказалась после Мюнхенского соглашения 1938 г. Западные страны — Англия и Франция — проводили политику умиротворения агрессора. Они не были готовы заключить военный союз с СССР и тянули время до осени, когда начало войны Германии с Польшей будет невозможным. При этом переговоры с Советским Союзом рассматривались как способ давления на Германию, возможность помешать ее сближению с СССР. Именно поэтому лидеры западных стран выразили негодование по поводу заключения пакта. Великобритания и Франция в сентябре 1939 г. не оказали действенной помощи союзной Польше.

3. Заключение пакта на значительное время нейтрализовало угрозу военного нападения Германии и позволило СССР укрепить вооруженные силы, мобилизовать экономический потенциал на оборонные нужды, отодвинуть западные границы страны. Мы были избавлены от участия в 1939 г. в мировой войне в Европе, что позволило решить ряд неотложных международных задач, связанных с избежанием одновременной войны в Европе и Азии, а такая угроза была вполне реальной.

4. СССР было необходимо ослабить или разрушить антисоветскую ось Германия — Япония. Пакт отнял у Германии важного военного союзника, дистанцировал ее от Японии. Япония на некоторое время оказалась в международной изоляции. В оси Токио — Берлин образовалась трещина, которая имела серьезные последствия для военного сотрудничества двух стран и координации их совместных военных действий. Уже в сентябре 1939 г. некоторые японские политики стали высказывать предложения «о заключении японско-советского пакта о ненападении по образцу советско-германского» [15, с. 241]. В апреле 1941 г. Япония и СССР подписали пакт о нейтралитете, и Япония не решилась вступить в войну против Советского Союза, особенно в трудных для СССР 1941–1942 годах. Конечно, решающим фактором, повлиявшим на Японию, явились убедительные победы Красной Армии под Москвой и Сталинградом. Победа на Халхин-Голе и советско-германский пакт позволили сместить военно-политические интересы Японии на юг, и она начала масштабную войну в этом направлении — на Тихом океане, вступив в декабре 1941 г. в конфронтацию с США.

5. Военное вторжение в Монголии и заключение советско-германского пакта 1939 г. для правящей политической элиты Японии стало шоком и привело к отставке правительства Хиранумы Киитиро 28 августа, а также к корректировке внешнеполитического курса страны. При этом решение Германии было воспринято японской стороной «как однозначное и непростительное предательство» [15, с. 241]. Посол Японии в Германии Осима, имевший теплые отношения с немецкой внешнеполитической элитой, был отозван из Берлина и отправлен в отставку. «Этот страстный поборник тесного японо-германского союза, враг Советского государства и восторженный поклонник Гитлера и его политики, в августе 1939 года получил чувствительный удар: Риббентроп, с которым Осима был в личных дружеских отношениях, незадолго до своей поездки в Москву предупредил его в самой общей форме о возможности соглашения Германии с СССР. Прошло несколько дней, и советско-германский пакт о ненападении стал реальностью. Генерал Осима был потрясен так же, как и его высокое начальство, для которого вообще все случившееся явилось полной неожиданностью» [18, с. 167]. Советские дипломаты в Токио и военная разведка сообщали об ошеломляющем действии военной победы советско-монгольских войск на Халхин-Голе и заключения пакта, которые привели к растерянности элиту японского общества и вызвали необходимость серьезной корректировки внешней политики Японии.

6. Япония рассчитывала, что крайняя напряженность международной обстановки в Европе, находящейся накануне мировой войны, заставит СССР уступить японцам на Дальнем Востоке. Японское правительство надеялось, что успешный военный конфликт на Халхин-Голе покажет слабость Красной Армии и приведет к вторжению Германии на территорию Монголии и СССР. Японцы рассматривали успешную войну как способ усиления собственных внешнеполитических позиций и давления на переговорах с западными странами. Накануне военного конфликта Токио довел до сведения Берлина о своем согласии заключить пакт, направленный против СССР, не связывая себя обязательством участвовать в военном союзе, направленном одновременно также против Англии, Франции и США.

Советско-германский договор лишил японское военное и политическое руководство желания продолжить или возобновить военные действия на реке Халхин-Гол или в другом месте на востоке СССР или в Монголии.

7. Советско-германский пакт о ненападении показал, что СССР и его союзник Монголия стали крупными самостоятельными игроками на международной арене, которые в состоянии отстаивать свои национальные интересы, проводить прагматичную внешнюю политику в сложных условиях международного соперничества и противоборства накануне мировой войны. Решение было нестандартным, неожиданным и спутало все позиции западных стран. В результате СССР сумел преодолеть международную изоляцию и занять свое место среди великих мировых держав.

8. Разгром японской армии на реке Халхин-Гол показал техническое и военное превосходство Красной Армии, а также преимущество ее военной тактики и стратегии. Негативный опыт военных действий на Хасане и Халхин-Голе стал фактором сдерживания японской агрессии во время Великой Отечественной войны. Это дало возможность направить с Дальнего Востока на западный фронт часть советских войск.

Таким образом, трактовка советско-германского пакта о ненападении 1939 г. выглядит совершенно иначе, когда международные события, происходившие в тот период в Европе, более тесно увязываются с событиями на Востоке — в Китае, Монголии и Маньчжурии. Крупный военный конфликт на реке Халхин-Гол в 1939 г. и предвоенная ситуация в Европе требовали от советского руковод-

ства нестандартных политических решений. Совершенно очевидно, что историческая недооценка событий на Востоке приводит к односторонней и однобокой характеристике международных отношений в Западной и Восточной Европе. Военные события на реке Халхин-Гол в мае — сентябре 1939 г. вообще длительное время недооценивались в российской историографии, и только в последнее десятилетие им стало уделяться более серьезное внимание со стороны исследователей, что привело к повышению их роли в мировой истории и истории международных отношений. Это позволило выдвинуть тезис о том, что Вторая мировая война началась не в Европе, а в Азии [1; 10].

Негативная оценка советско-германского пакта, особенно в российской исторической литературе начала 1990-х гг., серьезно корректируется его исторической связью с войной на реке Халхин-Гол в 1939 г., когда СССР смог разгромить японского агрессора на востоке и дипломатическим путем усилить свои позиции на западе, сдержать германскую военную машину, а также ограничить возможность западных стран направить в 1939 г. против СССР основной удар Германии. В завершение нашего обзора мы хотим особо подчеркнуть, что поднятая нами тема нуждается в дальнейшей, более тщательной научной проработке и документальном обосновании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май — сентябрь) как начало Второй мировой войны / Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков, А. П. Суходолов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 2. — С. 74–96.
2. Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров, прошедших через японский плен / Ю. М. Свойский. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2014. — 320 с.
3. Сеченов И. В. Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год / И. В. Сеченов. — Иркутск: Географ, 2014. — 108 с.
4. Суходолов А. П. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин; под ред. М. П. Рачкова. — Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. — 318 с.
5. Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции: материалы междунар. конф., Иркутск, 23 мая 2014 г. // Вестник Международного центра азиатских исследований / ред. Ю. В. Кузьмин, Н. Н. Пузыня. — Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2014. — Вып. 19. — С. 1–286.
6. Мильбах В. С. Политические репрессии комначсостава ЗабВО и 57-го особого корпуса (1937–1938) / В. С. Мильбах. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2002. — 268 с.
7. Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы / Е. Л. Катасонова // Япония. Ежегодник. — 2009. — № 38. — С. 271–293.
8. Военная разведка информирует. Документы разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 гг. / сост. В. А. Гаврилов. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2008. — 832 с.
9. Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио / В. Э. Молодяков. — М.: Вече, 2004. — 480 с.
10. Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-Голе и роль военной разведки / Ю. В. Кузьмин // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы междунар. науч. конф. — Чита, 2015. — Ч. 1. — С. 37–43.
11. Документы по истории мюнхенского сговора, 1937–1939 / редкол.: В. Ф. Мальцев, Д. Спачил. — М.: Политиздат, 1979. — 471 с.
12. Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева / Ф. Чуев. — М.: Терра, 1991. — 604 с.

13. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — Кн. 1 : От начала до Великой Победы. — 640 с.
14. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941 / М. И. Мельтюхов. — М. : Вече, 2000. — 605 с.
15. Куланов А. Россия и Япония: имиджевые войны / А. Куланов, В. Молодяков. — М. : АСТ, 2007. — 480 с.
16. Запись беседы И. фон Риббентропа с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым // 1941-й год / сост. Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов. — М. : Междунар. фонд «Демократия», 1998. — Кн. 2. — С. 578–581.
17. Дашичев В. И. Пакт Гитлера — Сталина: мифы и реальность / В. И. Дашичев // Историки отвечают на вопросы / сост. В. В. Поликарпов. — М. : Моск. рабочий, 1990. — Вып. 2. — С. 262–273.
18. Смирнов Л. Н. Суд в Токио / Л. Н. Смирнов, Е. Б. Зайцев. — М. : Воениздат, 1978. — 544 с.

REFERENCES

1. Kuzmin Y. V., Rachkov M. P., Sukhodolov A. P. War of Khalkhin-Gol of 1939 (May — September) as the beginning the Second World War. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2014, no. 2, pp. 74–96. (In Russian).
2. Svoiskii Yu. M. *Voennoplennyye Khalkhin-Gola. Istoriya boitsov i komandirov, proshedshikh cherez yaponskii plen* [Prisoners of War of Khalkhin Gol. The history of fighters and commanders who passed through Japanese captivity]. Moscow, Russian Foundation for Education and Science Publ., 2014. 320 p.
3. Sechenov I. V. *Otdel'nyi pogranichnyi batal'on v boyakh na Khalkhin-Gole, 1939 god* [Separate Border Battalion of Khalkhin Gol Battles, 1939]. Irkutsk, Geograf Publ., 2014. 108 p.
4. Sukhodolov A. P., Kuzmin Yu. V.; Rachkov M. P. (ed.). *Mongoliya i rusko-mongol'skie otnosheniya pervoi poloviny XX veka: problemy istorii i istoriografii* [Mongolia and Russian-Mongolian Relations in the First Half of the 20th Century: Issues of History and Historiography]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2016. 318 p.
5. *Khalkhin-Gol 1939 g. v mirovoi istorii i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: istoriya, istoriografiya, kontseptsii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Irkutsk, 23 maya 2014 g.* [Khalkhin Gol 1939 in World History and International Relations: History, Historiography, Concepts. Materials of International Conference, Irkutsk, May 23, 2014]. In Kuzmin Yu. V., Puzynya N. N. (eds.). *Vestnik Mezhdunarodnogo tsentra aziatskikh issledovaniy* [Bulletin of the International Center for Asian Studies]. Irkutsk, East Siberian State Academy of Education Publ., 2014, iss. 19, pp. 1–286. (In Russian).
6. Milbakh V. S. *Politicheskie repressii komnachsostava ZabVO i 57-go osobogo korpusa (1937–1938)* [Political Repressions of the Senior Commanding Staff of the Transbaikalian Military District (1937–1938)]. Irkutsk National Research Technical University Publ., 2002. 268 p.
7. Katasonova E. L. Khalkhin-Gol: 70 Years Later. Historiography of the Problem. *Yaponiya. Ezhegodnik = Yearbook Japan*, 2009, no. 38, pp. 271–293. (In Russian).
8. Gavrilov V. A. (ed.). *Voennaya razvedka informiruet. Dokumenty razvedupravleniya Krasnoi Armii. Yanvar' 1939 — iyun' 1941 gg.* [Military Intelligence Informs. Documents of the Intelligence Department of the Red Army. January 1939 — June 1941]. Moscow, International Fund «Democracy» Publ., 2008. 832 p.
9. Molodyakov V. E. *Nesostoyavshayasya os': Berlin — Moskva — Tokio* [Might-Have-Been Axis: Berlin — Moscow — Tokyo]. Moscow, Vech Publ., 2004. 480 p.
10. Kuzmin Y. V. War on the Khalkhin-Gol in 1939 and the Role of Military Intelligence. *Vtoraya mirovaya voyna: predystoriya, sobytiya, uroki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [World War II: Background, Events, Lessons. Materials of International Scientific Conference]. Chita, 2015, iss. 1, pp. 37–43. (In Russian).
11. Maltsev V. F., Spachil D. (eds.). *Dokumenty po istorii myunkhenskogo sgovora, 1937–1939* [Documents on the History of the Munich Agreement (Betrayal) 1937–1939]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 471 p.
12. Chuev F. *140 besed s Molotovym: iz dnevnika F. Chueva* [140 Conversations with Molotov: From the Diary of F. Chuev]. Moscow, Terra Publ., 1991. 604 p.
13. Kara-Murza S. G. *Sovetskaya tsivilizatsiya. Ot nachala do Velikoi Pobedy* [Soviet Civilization. From the Beginning to the Great Victory]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002. Vol. 1. 640 p.
14. Meltyukhov M. I. *Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu. 1939–1941* [Stalin's Missed Chance. Soviet Union and the Struggle for Europe. 1939–1941]. Moscow, Vech Publ., 2000. 605 p.
15. Kulakov A., Molodyakov V. *Rossiya i Yaponiya: imidzhevyye voyny* [Russia and Japan: Image Wars]. Moscow, AST Publ., 2007. 480 p.
16. Record of the conversation I. von Ribbentrop with I. V. Stalin and V. M. Molotov. In Reshin L. E., Bezlymenskii L. A., Vinogradov V. K. (eds.). *1941-i god* [Year 1941]. Moscow, International Fund «Democracy» Publ., 1998, iss. 2, pp. 578–581. (In Russian).
17. Dashichev V. I. The Hitler-Stalin Pact: Myths and Reality. In Polikarpov V. V. (ed.). *Istoriki otvechayut na voprosy* [Historians Answer the Questions]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1990, vol. 2, pp. 262–273. (In Russian).
18. Smirnov L. N., Zaitsev E. B. *Sud v Tokio* [Tokio Trial]. Moscow, Voenizdat Publ., 1978. 544 p.

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович — профессор, ректор, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@bgu.ru.

Authors

Alexander P. Sukhodolov — Professor, Rector of Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: rector@bgu.ru.

Дорж Тувдийн — профессор, академик, Академия наук Монголии, 14200, г. Улан-Батор, ул. Премьер-министра А. Амара, 1, e-mail: T_dorj@doctor.com.

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

Рачков Михаил Парфирович — доктор экономических наук, профессор, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: RachkovMP@bgu.ru.

Для цитирования

Суходолов А. П. Война на Халхин-Голе 1939 года и советско-германский пакт о ненападении / А. П. Суходолов, Т. Дорж, Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 4. — С. 585–594. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).585-594.

Tuvd Dorj — Professor, Academician of the Academy of Science of Mongolia, 1 Prime Minister A. Amar st., 14200, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: T_dorj@doctor.com.

Yuriy V. Kuzmin — D. Sc. in History, Professor, Department of World Economy and Economic Security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

Mikhail P. Rachkov — D. Sc. in Economics, Professor, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: RachkovMP@bgu.ru.

For Citation

Sukhodolov A. P., Dorj T., Kuzmin Yu. V., Rachkov M. P. The War of Khalkhin Gol in 1939 and the German-Soviet Nonaggression Pact. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 585–594. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).585-594. (In Russian).